

Содержание

Предисловие.....	8
Введение.....	14
Об авторах этой книги.....	16
Темная сторона искусства.....	22
Подлинник или подделка?.....	26
Знаменитые фальсификаторы.....	35
Ошибки экспертов. Вольные или невольные?.....	76
Увековеченное движение.....	79
Кто автор «Норвежского рыбака»?.....	105
Преступность в мире искусства.....	112
Политика торговли мировыми культурными ценностями....	127
Техники изобразительного искусства.....	135
Шутники и псевдохудожники, или Мошенничество как образ жизни.....	152
Технико-технологическая экспертиза.....	160
О любви к деньгам и искусству.....	177
Игроки и психопаты.....	185
Юбилейная выставка Сальвадора Дали в Хельсинки.....	191
«Молнии» и прочие уловки.....	231
«Дикие» рынки русского искусства.....	247
Учитель рисования в роли сочинителя провенансов.....	275
Как в кино.....	288
Список иллюстраций.....	325

*Что касается первого затрудняющего вас обстоятельства,
этих сонетов, эпиграмм и эклог, которых вам недостает,
чтобы поставить в заголовке книги, и которые, как желали бы
вы, должны быть составлены важными и титулованными
лицами, то я вам укажу средство: вам стоит только взять
на самого себя труд написать их, а потом вы можете
окрестить их тем именем, какое вам понравится...*

Мигель де Сервантес.
Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский*

* Перевод на русский язык Николая Любимова.

Предисловие

Все мы согласны с тем, что преступления — это очень плохо, однако для некоторых их разновидностей, когда речь заходит о нашем интеллектуальном развлечении, мы делаем исключение. Безусловно, киднеппинг маленького ребенка из родительского дома — это ужас и страшно, а вот если нам рассказывают об умыкании прекрасной блондинки в корсете каким-нибудь красавцем кавалером с роскошными усами — это, наоборот, способ для нас прекрасно провести вечер, окунувшись в увлекательные приключения, поставив себя на место одного из персонажей. Некоторым типам преступлений ныне, в нашей массовой культуре, такая мифологизация уже свойственна по умолчанию. Скажем, задумываться о том, что именно творили настоящие пираты, о совершенных ими убийствах, грабежах и изнасилованиях — просто противно. Если снимать о пиратах правдивый фильм, то он будет наподобие «Трудно быть богом» Германа, полным грязи и безысходности — и гарантированно провалится в прокате. При слове «пираты!» в голове у нас возникает совершенно другой образ, полный задора и азарта, от произведения на эту тему (не важно, книги, фильма или компьютерной игры) мы ждем приключений и развлечений.

Абсолютно та же самая ситуация сегодня с преступлениями, связанными с миром искусства. Арт-преступники

стали своего рода пиратами XXI века. То, что о них сочиняют и снимают, — обычно легкие и забавные приключения, читатель или зритель мгновенно ставит себя на место «благородных мошенников», которые обжуливают заплывших жиром миллионеров-коллекционеров или пыльные, косные государственные музеи, в которых произведение искусства томится, будто заключенный в темнице. Это же так здорово — стать обладателем собственного «рембрандта» или гигантского бриллианта! И любитель масскультуры, следя за преступлениями жулика, увлекается, соперничает ему и на короткий период тоже становится обладателем той картины или того бриллианта — пусть только в своих фантазиях.

Предлагаемая вашему вниманию книга хороша тем, что она совершенно не такая. Это отнюдь не развлекательный роман о преступлениях в сфере искусства, эксплуатирующий тягу людей к приключениям, к блестящему и яркому, мечты «гениев-потребителей». Во-первых, это документалистика; впрочем, и этот жанр можно наполнить легендами и воспеванием криминала. Важнее «во-вторых» — ее авторами стали люди, непосредственно соприкоснувшиеся с миром криминала: следователь финской полиции и журналист криминальной хроники. Это не голливудские сценаристы, которые прочли какую-нибудь заметку и соорудили на ее основе плутовской сюжет, а люди, которые видели живьем очень многих из тех, о ком написали в данной книге. Следователь Юрки Сеппяля и журналист Ристо Румпунен много общались с преступниками, в том числе видели их жалкими, дающими показания после ареста, и наглыми — на скамье подсудимых. Общались они и с жертвами этих преступлений, потерявшими на неловких покупках все свои сбережения и теперь тщетно ищущими справедливости. Общались и с родственниками тех, кто покончил из-за

этих арт-преступлений с собой. Действительно, если прокуроры, полицейские, милиционеры и т.п. после долгих лет работы «в поле» начинают писать книги, то в этих сочинениях обычно очень много бдительного цинизма и никакой идеализации уголовников, какими бы блестящими и ловкими авантюристами они ни были, прямо на загляденье остальным. Так что текст этот получился для любителей вдумчивой криминалистики. Тут в подробностях описаны сложные многоуровневые аферы, перемещения денежных средств и подлоги документов — практически можно использовать как инструкцию по применению.

Книга финских авторов содержит огромное количество реальных криминальных случаев. Из трех главных видов преступлений в сфере искусства — вандализм, воровство и подделка — они сосредоточились на последнем. Сеппяля и Румпунен в подробностях рассказывают о создании фальшивых произведений искусства и их продаже, а также о других, не менее важных стадиях, о которых читатель может и не подозревать, — экспертизе, перепродажах, других перепродажах (а потом еще!), а также о судьбе фальшивок после конфискации властями. Некоторые описанные ими случаи старые, они хорошо известны любителям криминальных историй. Гораздо интереснее читать о том, чему авторы были непосредственными свидетелями, — о мошенниках и поддельщиках, работавших в Финляндии. Даже жалко, что авторы потратили место на рассказ о чужих делах, ведь об американских и европейских преступниках написали уже все подряд, а о финских вряд ли кто еще напишет. А картина получается сочная! Нам-то из наших краев кажется, что у них в стране тишь да гладь, а вчитаясь — будто проваливаешься в типичный скандинавский детектив, где за внешним благополучием скрываются бездны беззакония.

Особенный интерес книга представляет для российского читателя. Напомню, что до 1917 года их страна была Великим княжеством Финляндским в составе Российской империи, до Петербурга от Хельсинки рукой подать, и тесные связи между коммерсантами (в том числе теневыми) обоих государств налажены давно. «Русских» сюжетов в книге не очень много, но они привлекают внимание. Авторы рассказывают о том, как в Финляндии местные умельцы подделывают русских художников, о том, как локальные аукционы становятся источником материала для российских аферистов, как обжигаются на покупке московские олигархи. Как русский арт-криминал выглядит с другой стороны границы, читать весьма любопытно.

Софья Багдасарова,
искусствовед, журналист,
автор книги *«Воры, вандалы и идиоты:
Криминальная история русского искусства»*

Книга, которую вы держите в руках, — не научная монография и не учебник. Это справочное пособие, написанное в увлекательной беллетристической манере.

Один из авторов, Юрки Сеппяля, — бывший следователь Криминальной полиции Хельсинки по делам, связанным с преступлениями в сфере искусства. Он принимал участие в сборе информации и редактировании. Ответственность за содержание книги и трактовку фактов несет Ристо Румпунен.

Создано при поддержке Объединения авторов информационно-справочной и учебной литературы Финляндии Suomen tietokirjailijat ry.

Я хотел бы поблагодарить всех, кто любезно поделился информацией и помог нам пройти через увлекательный, а иногда и грустный и опасный мир мошенничества в искусстве.

Отдельно благодарю научного аналитика Сеппо Хорницкого за факчекинг информации о технико-технологической экспертизе.

Введение

Когда-то в крупнейшем журнале Финляндии была опубликована статья, в которой известный арт-дилер заявил, что он за астрономическую сумму продал скульптуру великого французского мастера фонду самого богатого человека в мире. Этот же обаятельный седеющий мужчина в телевизионном интервью рассказывал о своей многолетней карьере на международном художественном рынке в качестве дилера и о том, как он в молодости работал шофером у Сальвадора Дали. Спустя несколько лет полиция Финляндии закрыла организованную им выставку и задержала его самого. В ходе многонедельных допросов он признался, что поведенные им в прессе и на телевидении истории не имеют никакого отношения к действительности. После допросов его выпустили из следственного изолятора, чтобы он на свободе дожидался суда, однако появиться на процессе ему было уже не суждено. Но, по всей вероятности, произведения, проданные этим человеком и его партнерами по бизнесу, и после его смерти еще долго будут встречаться в галереях и фигурировать в урегулированных наследственных споров.

В этой книге мы расскажем о том, что происходило и сотни лет назад, и в наши дни. Все сюжеты основаны на реальных событиях. Мы собирали информацию на основании

собственных заметок, интервью, протоколов допросов, судебных решений, архивных материалов, каталогов выставок, книг и статей в прессе.

Некоторые рассказанные нами подлинные истории могут показаться читателям вымышленными. Принято говорить, что правда диковиннее вымысла, но в действительности реальность и выдумка часто смешиваются. Одни мошенники, действующие в мире искусства, повторяют придуманные их предшественниками сценарии, а другие сочиняют новые. Некоторые заимствуют жульнические схемы напрямую из телевизионных сериалов и кинофильмов. Так, один многоопытный торговец поддельными произведениями искусства признался со смехом, что однажды идея аферы пришла ему в голову во время просмотра сериала об английских антикварах, все события и персонажи которого были вымышлены.

Об авторах этой книги

Вначале расскажем, кто мы, авторы этой книги, и как мы смотрим на искусство и окружающий нас мир. Повествование веду я, Ристо Румпунен, представляя также и мнение моего соавтора Юрки Сеппяля, очевидца и непосредственного участника многих описываемых событий.

Ристо Румпунен

Изобразительным искусством я начал интересоваться еще в детстве, благодаря родителям, которые постоянно водили меня по всевозможным выставкам. В школьные годы я сильно удивлялся тому, как по-разному все мы видим окружающий мир. И действительно, не найдется двух людей, которые бы воспринимали происходящее совершенно одинаково.

Во время учебы по обмену во Флориде я сделал из книги, стального троса и игрушечного ружья современную скульптуру, которую назвал *Death of an American Dream* («Смерть американской мечты»). Преподаватель истории искусств не обвинил меня в оскорблении американских ценностей. Напротив, он так воодушевился моей работой, что организовал мне возможность в качестве вольнослушателя посещать лекции по искусству во Флоридском университете в Гейнсвилле. Я настолько заинтересовался современным

искусством, что дома в Финляндии во время учебы в лицее написал две картины, подражая стилю знаменитого американского художника Джексона Поллока. В то время как в комнатах у друзей висели фотографии звезд спорта и поп-музыки, стены моего жилища украшали две имитации работ идеолога американского абстрактного экспрессионизма.

В первые годы трудовой жизни я работал осветителем и оператором на телевидении, снимая передачи, рекламу и презентационные ролики компаний. Тогда я научился видоизменять помещения с помощью света, создавать образы и манипулировать настроением. Также я стал понимать, какие камеры и линзы использованы для создания кадров, на какую пленку они сняты.

На съемках я ежедневно сталкивался с тем, как по-разному люди видят одно и то же изображение. Я отношусь к тому меньшинству, которое называют дальтониками, т.е. страдающими цветовой слепотой. По моему мнению, термин «цветовая слепота» вводит в заблуждение, поскольку я вижу цвета и отличаю красный от зеленого, но не всегда и не при всех тех обстоятельствах, при которых другие люди различают их. По данным разных исследований, в мире дальтонизмом страдает 4–8% мужчин и лишь около 1% женщин.

Цветовая слепота была диагностирована у меня многократно с помощью классического исследования на дальтонизм, разработанного профессором Токийского университета, офтальмологом Синобу Исихара (1879–1963). Тест состоит из ряда заданий, в каждом из которых нужно назвать цифру, спрятанную на фоне из множества точек различного цвета и размера. Однако это тестирование используют специалисты для определения профессиональной пригодности человека. В обычной же жизни дела обстоят иначе. Меня часто раздражает, если кто-нибудь для

проверки моего зрения просит назвать цвета припаркованных в ряд автомобилей — в этих ситуациях я почти никогда не ошибаюсь. Один мой приятель страдает полной цветовой слепотой, и однажды я таким же образом проверил его. Он назвал цвета всех автомобилей абсолютно правильно.

Каждый раз, когда я рассказываю о своем дальтонизме, найдется кто-нибудь, кто спросит: «А как ты видишь цвета?» Обычно я в ответ интересуюсь, как мой собеседник сам видит цвета. Иногда говорю, что не воспринимаю красный как цвет, особенно привлекающий внимание. Для меня это всего лишь один из множества цветов. В море мне сложно издали отличить красные бакены от зеленых, потому что обычно я замечаю разницу, лишь подплыв к ним вплотную. Круг профессий, которые недоступны нам, дальтоникам, очень широк. Между тем я не единственный оператор-дальтоник, поскольку знаю многих именитых кинематографистов, обладателей престижных премий, у которых также диагностирована цветовая слепота. В те времена, когда снимались преимущественно черно-белые фильмы, среди профессионалов кинематографа негласно считалось, что операторы-дальтоники лучше других различают серую шкалу (оттенки серого), а потому лучше добиваются выразительности кадра с помощью света и теней.

Раньше у меня была исключительно хорошая память на карты и изображения, и я гордился этим, но поставленный диагноз «цветовая слепота» стал для меня шоком. Я бы получил десятку* на экзамене по английскому языку, если бы ответил правильно на вопрос «Какого цвета песок?». Сам я считал, что ответил верно, но учитель был другого мнения. После этого всегда, когда я смотрю на песок,

* Высший балл в системе образования Финляндии. — *Прим. пер.*

то размышляю о том, какого же он все-таки цвета. Найдется ли когда-нибудь единственно верный ответ на этот вопрос?..

Более десяти лет назад я примерил специальные контактные линзы для коррекции дальтонизма. Благодаря им я увидел цифру, которую в тесте Исихары не мог рассмотреть невооруженным глазом. Но, хотя это и было неожиданно и приятно, я не купил эти линзы, потому что тогда я бы стал видеть окружающий мир непривычным образом.

Профессор неврологии Оливер Сакс (1933–2015), занимавшийся исследованием памяти, мозговой деятельности, слуха и зрения человека, в своей книге «Антрополог на Марсе» (An Anthropologist on Mars) рассказывает о том, что во время Второй мировой войны американцы в качестве авиационных наводчиков выбирали дальтоников: они лучше других различали передвижение и маскировку противника, что подтвердилось в результате тестов. Обычно над нами, дальтониками, потешаются, потому что иногда мы можем надеть носки разного цвета и вообще иначе, нежели большинство людей, трактуем цвета. Но, возможно, человеку с цветовой слепотой легче увидеть в произведениях искусства движение и форму, поскольку цвета не перетягивают внимание на себя. Когда я смотрю на живописное полотно, то сосредотачиваю внимание сначала на композиции и только после этого на цветовом решении.

Юрки Сеппяля

У второго автора этой книги, Юрки Сеппяля, интерес к искусству возник в детстве благодаря отцу, который много читал и знал об искусстве и смотрел на мир глазами художника, хотя по профессии и не был им. В ветвях деревьев и облаках он умел увидеть удивительные формы, симметрию, цвета и тени и рассказывал об этом сыну. Первая появившаяся в доме картина была сделана отцом Сеппяля из разноцветных кусочков пластика и изображала парусник.

Сеппяля вырос в Хельсинки, в лице увлекся изучением религий и затем продолжил образование на факультете теологии. Однако на пороге тридцатилетия Юрки полностью поменял карьеру и подал документы в полицейскую школу. Решение это было связано с влиянием деда, который начал карьеру конным полицейским, а затем работал в отделе по расследованию убийств. Как-то он рассказал внуку захватывающую историю о том, как нашел на месте преступления... человеческую голову. В те времена у полиции были ограниченные ресурсы, мало автомобилей. Тогда дед просто завернул голову в газету и с ней под мышкой поехал на трамвае в патологоанатомическую лабораторию. В свободное от работы время храбрый полицейский делал из древесины фигурки животных и вообще был на все руки мастер.

В полиции Юрки Сеппяля начал работать в отделе по расследованию дел о мошенничестве. Однажды в коридоре хельсинкского отделения криминальной полиции он случайно встретил старшего следователя по уголовным делам Кари Хонканена с картинами под мышкой. Тот сказал, что ищет помощника для расследования преступлений, связанных с искусством, и добавил, что ему очень трудно найти желающих, поскольку, похоже, никто, кроме него, не интересуется правонарушениями в этой сфере. Сеппяля

рассказывает: «Как только я увидел картины, расследование этого дела показалось мне очень интересным. Говорить об искусстве, расспрашивать художников — эта мысль захватила меня, хотя я и знал, что в полицейских кругах расследование подобных дел не приветствуется. Мне хотелось сосредоточиться исключительно на этой сфере деятельности, но это было невозможно. Один из начальников сказал мне: “Ты не можешь стать особенным, это вызовет зависть”».

По поводу преступлений в сфере искусства многие полицейские думают так, как один из коллег Сеппяля, который заметил: «Если у кого-то есть возможность платить миллионы за кусок ткани, на который набрызгана краска, пусть, если что, сам и разбирается».

Я познакомился со старшим следователем по уголовным делам Юрки Сеппяля, когда он вызвал меня на допрос в хельсинкское отделение криминальной полиции. В то время я работал в Лондоне. Мошенник я или честный человек, руководствующийся в своей деятельности добро-совестными намерениями, — этого Сеппяля тогда знать не мог. Но об этом мы расскажем позже.

Темная сторона искусства

Арт-дилеры опасаются, что статьи и книги о подделках и мошенничестве в мире искусства затруднят торговлю, поэтому многие из них остерегались говорить с нами даже в тех случаях, когда им самим хотелось бы раскрыть факты фальсификации. В свою очередь, многие реставраторы и эксперты недовольны тем, что полиция и органы власти не предпринимают достаточных усилий по пресечению преступной деятельности в этой сфере.

Некоторые полагают (как мошенникам и хотелось бы), что преступность в мире искусства — несущественное, проходящее явление, а его действующие лица — мелкие аферисты или даже воры-джентльмены. Но это не так. Преступления в сфере искусства зачастую отличаются жестокостью и изощренностью.

За последнее десятилетие технико-технологическая экспертиза подлинности произведений искусства шагнула далеко вперед. Обмен информацией ускорился благодаря интернету. В повседневную практику экспертов вошли цифровые методы, а оборудование для исследования материалов стало менее габаритным и дорогостоящим. Приборы, размер которых раньше был сопоставим с мини-взном, теперь по размеру и виду напоминают ручную электродрель.

Десять лет назад, по оценке Интерпола, преступления в мире искусства занимали по количеству третье или четвертое место среди других форм преступности в мире. В настоящий момент этот показатель очень трудно оценить количественно, но отношение к таким правонарушениям стало серьезнее, поскольку они оказывают на общество гораздо большее влияние, нежели считалось ранее. Преступность в мире искусства очень многолика; к ней относятся кражи, мошенничество, фальсификации, нарушения авторских прав, отмывание денег и незаконная торговля культурными ценностями.

Еще пару десятков лет назад к преступности в сфере искусства относились как к малозначительной на фоне более тяжких правонарушений. Юрки Сеппяля вспоминает, как его предшественник на посту старшего следователя по уголовным делам сравнил ее с наркопреступностью: «Если закрыть отдел по расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, то точно сократится и их статистика. Для раскрытия преступлений в сфере искусства нужно открыть специальный отдел, в котором будут работать три следователя. У них должно быть достаточно времени и ресурсов для изучения рынков искусства, поддержания контактов с галеристами и аукционными домами и наблюдения за деятельностью подозреваемых, в том числе и в неслужбное время».

Важная особенность торговли произведениями искусства заключается в том, что с ее помощью можно легализовать деньги, полученные различными незаконными способами. И это очень трудно раскрыть и доказать. Бывший предприниматель, занимавшийся продажей картин, хриплым, повидимому от виски и сигарет, голосом в двух фразах изложил мне истинную суть такой торговли: «Ну да, крутили мы эти схемы и здесь, в Таллине, и в Стокгольме, и немного

в России. Маленькие мафиози по соседству уж совсем наглые штуки проворачивали, да ведь в этой торговле картинами речь не об искусстве шла, а совсем о другом».

Интересно, что многие торговцы подделками произведений искусства, с которыми мы встречались, были заядлыми игроками. Они могли мгновенно проиграть полученные от продажи фальшивок крупные суммы в казино, за покерным столом или сделав ставку на тотализаторе. Например, в 2017 году финский арт-мошенник с большим стажем Йоуни Ранга на презентации своей книги «Добросовестность — как я наводнил Финляндию поддельным искусством» (Vilpitön mieli — miten myin Suomen täyteen väärennettyä taidetta) сообщил, что он нигде не испытывает такого счастья, как в музее или... в казино.

Поддельный «Шишкин», которого Йоуни Ранга умудрился продать по цене нового автомобиля

Попавшись на продаже подделок, арт-мошенники оправдываются тем, что они провели людей, у которых слишком много денег, а на честной работе не разбогатеешь. Но ведь далеко не все покупатели произведений искусства богаты. Для того, кто купил фальшивые работы, разочарование от обмана может быть неприятнее денежных потерь. Жертва мошенничества зачастую испытывает стыд и винит себя в излишней доверчивости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru